

Андрей Лучников

ПРОПАВШИЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК

Почему не любят вспоминать о писателе Анатолии Кузнецове?

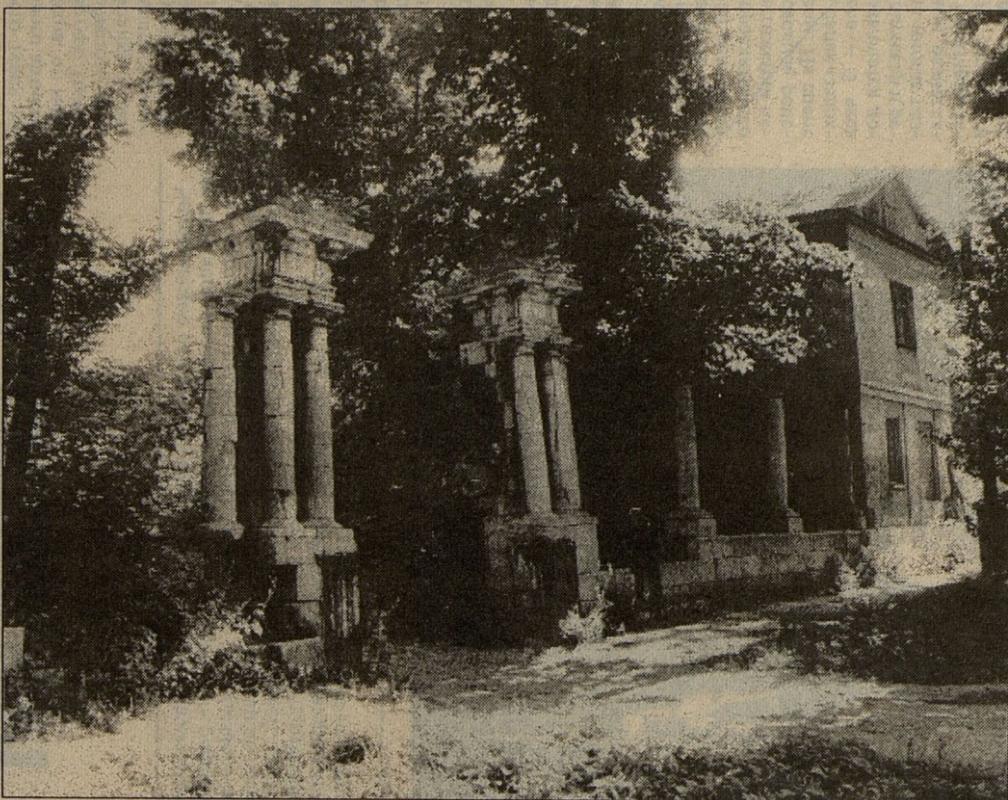
В НЫНЕШНЕМ году исполнилось 70 лет со дня рождения и 20 лет со дня смерти писателя Анатолия Васильевича Кузнецова. О нем не очень-то любят вспоминать, а для Тулы это имя до сих пор полузапретное, вызывающее недоброе ассоциацию. Чем же так негоден Кузнецов русской культуре? Дело тут не в его, прямо скажем, скромном литературном даровании. Для русской литературы Кузнецов — фигура по-своему знаковая. И дело, наверное, в том, что стоит он особняком от своей эпохи.

АВТОР «БАБЬЕГО ЯРА»

Он начинал свой путь громко — повесть «Продолжение легенды» была бестселлером своего времени. Кузнецова провозгласили основоположником «исповедальной прозы». На руку начинающему писателю была и хорошая компания — Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Георгий Владимов (все впоследствии, как и он, — эмигранты). На руку была и скандальная публикация его повести во Франции, и последовавший за ней судебный процесс в Лионе. Тем не менее перспективному молодому писателю не удалось удержаться в Москве, и в расцвете сил он попадает в маленькую провинциальную Тулу, где только начали по инициативе обкома партии создавать писательскую организацию. Понятно, что местным властям свои писатели нужны были и для престижа, и для идеологической работы. Из всех приглашенных Анатолий Кузнецов был звездой первой величины. Однако вряд ли он предполагал активно включиться в местный литературный процесс. Думаю, что скорее он хотел отсидеться в Туле перед новым рывком, перед новым решительным походом на Москву. Но Кузнецову суждено было прожить в Туле почти десять лет, и эта вынужденная ссылка, уверен, сыграла не последнюю роль в его решении бежать на Запад.

Кузнецов, в общем-то, писатель типично советский: его рассказы, повесть «У себя дома», роман «Огонь» — характерные для того времени произведения. Совершенно же не вписывается в этот ряд роман «Бабий Яр», главное и лучшее произведение писателя. Это не просто роман о войне, коих в советские годы писалось множество. Это «роман-документ», как определил его жанр сам писатель. Даже с купюрами, сделанными цензурой, роман оставил сильнейшее впечатление. Это было не просто новое слово о войне — это была правда о войне, одна из честных страниц в идеологически приписанной советской военной летописи. История Второй мировой войны подвергалась жесточайшей цензуре. Даже материалы Нюрнбергского процесса, которые должны были быть напечатаны во всех странах-союзниках, воссвавшихся с фашистской Германией, в Советском Союзе полностью так и не были опубликованы. А еврейская тема использовалась советскими идеологами в исключительных случаях. Кузнецов же затронул странную историю сдачи и последующего уничтожения исторического центра и святыни Киева, но показал на примере киевского Бабьего Яра не просто историю гитлеровских зверств, а трагедию еврейского народа!

Возможно, именно тогда, когда юный Толя со своим приятелем бродил по Бабьему Яру, различая среди отложений пепла останки человеческих костей, и определилась его судьба. Человек, однажды увидевший это, уже не может быть таким, как все. Впрочем, Кузнецов никогда и не был таким, как все. Он не был даже писателем в полном смысле этого слова. Его крест — быть свидетелем. Свидетелем не человеческого суда — Высшего. Свидетелем без срока давности, которого могут затребовать из любого конца времени. И эта книга — «Бабий Яр» — была лишь предварительными, письменными показаниями перед Большим Процессом.

В Туле Анатолий Кузнецов провел десять лет. Фото Андрея Дедова

Он как бы ждал повестки на этот Высший суд, а его все не вызывали. И он стал сомневаться в том, есть ли вообще этот суд и сам Верховный Судья...

«Бабий Яр» — на самом деле не художественное произведение. Для меня оно стоит в одном ряду с «Архипелагом ГУЛАГ», правда, с некоторыми оговорками. Солженицын не ставил задачу написать роман, который сможет, пусть с потерями, преодолеть баррикады советской цензуры. Кузнецов предпринял попытку опубликовать «Бабий Яр», а значит, его внутренний редактор все же заранее поработал над текстом романа.

Я не знаю, как относиться к дописанному в Англии. Те купюры, которые сделала советская цензура и которые Кузнецов провез на микропленке, обмотав ее вокруг себя, не носят откровенно антисоветского характера. Антисоветские куски он написал на Западе. Была ли это конъюнктура или истинная позиция писателя — трудно судить. По моему представлению, романы так не пишутся. Но интересно, что он сам выделил в английском издании романа не только выброшенные советской цензурой, но и дописанные позже куски. Что он хотел этим сказать?

Вообще Анатолий Кузнецов — персонаж оруэлловский. Как и герой романа «1984», он ненавидел советскую власть и подпитывал ее. В официальной же жизни сживал в президиумах партсобраний, произносил не только дозволенные речи, пользовался теми благами, что ему причитались.

ПРИЮТ БОГЕМЫ

Диссидентство его проявлялось разве что в образе жизни. Его квартира в Туле на улице Мира с точки зрения советской морали была притоном. Там собиралась тульская богема — писатели, актеры, приезжие московские знаменитости, пили в компании милых девушек... Кузнецов в конце 60-х был человеком состоятельным, известным, его любили москвичи и уважали туляки. Квартира находилась на первом этаже дома, шторы в ней всегда были задернуты: Кузнецов любил, когда по комнатам разгуливали обнаженные девушки.

Сексуальные нравы кузнецовской квартиры, по воспоминаниям его знакомых, были весьма вольными. Из заграникомандировок он привозил красочные эротические журналы и хранил их в шкафу, ключ от которого всегда

держал при себе. За «Плейбой» в те годы могли упереть (и упекали!) за решетку. Утверждают, что Кузнецов увлекался эротической фотографией — сам фотографировал, проявлял, печатал...

До сих пор жива в Туле легенда о «черном потолке». Однажды в квартире Кузнецова произошел пожар, но он не стал делать ремонт. На закопченном потолке оставались автографы его гости. Говорят, были там даже японские иероглифы... С женой, Ириной Марченко, он к тому времени уже расстался, а его литературный секретарь и гражданская жена Надежда Цуркан воспринимала его таким, какой он есть, более того — во всем старалась ему соответствовать. Была ли такая богема вызовом обществу — трудно сказать.

После выхода «Бабьего Яра» с Кузнецовым что-то произошло. С одной стороны, роман пользовался шумным успехом, было даже предложение его экранизировать, с другой... Кузнецов говорил знакомым, что за ним следят. Он купил себе велосипед и перестал ездить в общественном транспорте. У него состоялся крайне неприятный разговор в тульском обкоме партии, после которого Кузнецов взялся за роман «Огонь» — о строительстве металлургического комбината на тульском материале. Возможно, он хотел таким образом получить индульгенцию за скандальный образ жизни...

ПОБЕГ

Наверное, именно тогда Кузнецов задумал свой побег. Наверное, именно тогда он стал тайным сотрудником КГБ. Он сам после утверждал, что не видел иного способа бежать из СССР. Я не могу допустить мысли, что Кузнецов сам предложил свое сотрудничество органам. В те годы такие предложения исходили от самого ведомства. Но во все времена сотрудничество с тайной полицией считалось в писательской среде грехом непростительным, хотя грешили им многие. И когда Кузнецов сам себя раскрыл, громко объявив об этом по радио «Свобода», братья-писатели его, видимо, не простили.

Кажется, причина сотрудничества Кузнецова с КГБ не в его замысловатом плане побега. Это скорее повод. Причина же, на мой взгляд, в том, что его сломали. Цензурой, слежкой, угрозами, чем-то еще, о чем нам остается только догадываться. Кузнецов

не из тех людей, что ломаются легко, но и у КГБ был неплохой опыт по ломке стальных людей... (Не хватило лишь самой малости, чтобы он до конца прошел путь героя Джорджа Оруэлла.) В нем жила надежда на побег. Это стало его единственной целью, смыслом, бредом. Кому-то из знакомых он рассказывал совершенно безумный план — в гидрокостюме перейти в Турцию по дну Черного моря...

Последние недели перед бегом Кузнецов вел себя особенно странно. Борис Полевой назначает его членом редколлегии журнала «Юность» — вот шанс перебраться в Москву! В «Молодом коммунаре» Кузнецов публикует странный рассказ-отрывок под заголовком «Запах океана», в котором косвенно предсказывает свой побег. Засмеял к коллеге Ивану Панькину и просит вернуть Библию, которую давал тому почитать. При этом бросает здесь всю свою библиотеку... Отдает секретарию писательской организации Александру Лаврику, добрейшему человеку, свой партбилет со словами: «*Береги его, это самое ценное, что у меня есть*». Последнее выглядит просто издевательством.

И вот — командировка в Англию. По официальной версии он уезжает писать роман о Втором съезде РСДРП, проходившем в Лондоне. Грядет столетие вождя мирового пролетариата. Тема довольно актуальная. И вдруг сообщения — Кузнецов сбежал. Потом официальная версия: «*попросил политическое убежище*». Шок — наверное, именно такое состояние испытывали те, кто давал ему рекомендации, подписывал характеристики...

В Туле летят головы таких людей, как второй секретарь обкома партии Г.П. Сафронов и начальник управления КГБ Н.П. Полушинский, словно именно здесь свили гнездо террористы. Чудом удается сохранить пост главного редактора Борису Полевому. О более мелких фигурах говорить не приходится.

Что же случилось? А то, что первый известный советский писатель попросил политического убежища. Вот что страшнее всего — удар под дых Системе, которая была уверена, что уж этот с крючка не сорвется. И Кузнецов не просто сбежал: он вещает на весь мир — разоблачает себя в сотрудничестве с КГБ (по-моему, и здесь он — первый и единственный), разоблачает советскую власть...

Английский период творчества Анатолия Кузнецова для нас по-прежнему остается белым пятном в его биографии. Мне известна лишь глава из романа «Попытка спасения», опубликованная в сборнике «Новый колокол» в 1970 году. Написал ли он там что-либо или нет — загадка. Очевидно лишь то, что он не опубликовал ничего, что сделало бы его известным эмигрантским писателем. Он остался в литературе писателем советским. Думаю, это лучший показатель того, что бежал он уже сломленным человеком. Его «Попытка спасения» до боли напоминает мне «1984». Символично даже то, что, сам того не осознавая, бежал он именно на родину Джорджа Оруэлла.

СУДЬБЫ БЛИЗКИХ ЛЮДЕЙ

Жизнь Кузнецова за рубежом малопримечательна — путешествия, женщины... Странный псевдоним — *А. Анатолий*. Женитьба на польской журналистке. Дочь. Загадочная смерть от сердечного приступа в 49 лет... Повинна ли в его смерти рука Москвы? Я уверен: да. Не прямо, так косвенно...

У Кузнецова практически нет биографов, исследователей. Это во многом объясняется закрытостью его архивов. Его дело в бывшем тульском партархиве, сфабрикованное обкомом партии, по сей день засекречено. Я уже не говорю о деле, хранящемся в архиве Тульского управления ФСБ. Почему? Только ли из-за «сведений, касающихся частной жизни известных лиц» (по закону такие материалы рассекречиваются через 75 лет или с согласия лиц, сведения о частной жизни которых содержатся в документах).

Ну бывали в кузнецовской квартире известные и заслуженные ныне писатели и артисты. Ну пили... Ну были женщины. Сегодня об этом пишут во всех желтых газетах. Это атрибут известности. Ну кто-то наговорил о нем гадостей после побега, чтобы отвести от себя гром небесный, — и это понятно. Материалы московских архивов, связанные с диссидентами, эмигрантами и т.п., рассекречены давно. Что же таит в себе феномен Анатолия Кузнецова? Почему его имя окутано тайной и умолчанием по сей день?

Отдельная тема — судьбы людей, оказавшихся связанными с Кузнецовым. Его первая жена, Ирина Марченко, выпустившая в 60-е сборник рассказов, по моим сведениям, больше не опубликовала ни одной книги. Ее уже нет в живых. Его сын от первого брака — Алексей работает спортивным комментатором радиостанции «Свобода», живет в Москве. Литературный секретарь и гражданская жена Кузнецова Надежда Цуркан (в 1969 г. ей было 23 года) после отъезда писателя из СССР родила сына Анатолия. Постановлением суда ее лишили материнских прав. Она была вынуждена переехать из Тулы во Львов. Но и там ее не оставили в покое — уpekли якобы «за содержание домов разврата и сводничество» (ст. 210 УК УССР). Ей удалось эмигрировать в США, где следы ее и ее сына теряются. Рано ушел из жизни писатель Александр Лаврик (Кузнецов умер в день похорон Лаврика). Многие другие тоже так или иначе пострадали из-за знакомства с Кузнецовым — наверное, этим во многом объясняется умолчание вокруг его имени даже спустя 20 лет после его смерти.

Хочется верить лишь в то, что если не люди, то Бог простит Кузнецову предательство друзей и исковерканные судьбы знакомых за страшное свидетельство его «Бабьего Яра». Человек, написавший такую книгу, по моему глубокому убеждению, не может быть негодяем. И история русской литературы без имени Анатолия Васильевича Кузнецова будет неполной.

Тула

13.11.99

Кузнецов Анатолий Васильевич